

САХНОВСКОМУ

17 апреля 1863. Orsett House.
Westb<ourn> Terrace. W.

Письмо ваше и статью¹ я получил. Во вторник едет один из наших знакомых в Париж — вы с ним получите 400 фр.² из фонда.

Скажу вам откровенно, что в «Колоколе» ваша статья не идет, а печатать особо стоит деньги — и печатать всего дороже в Лондоне. В Лейпциге можно напечатать за бесценок.

Ежели вы желаете, я спрошу князя Долгорукова.

Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен

На обороте: Monsieur Sachnovsky.

¹ О какой статье Сахновского идет речь, установить не удалось. Письмо Сахновского также неизвестно.

² Об отправке такой же суммы Сахновскому в Париж в декабре 1862 г. говорится в письме Бакста к Огареву от 22 марта 1863 г. («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 63—64). Очевидно, эти деньги назначались на какие-то революционные нужды. Через кого собирался Герцен пересылать деньги — мы не знаем.

ОГАРЕВ — ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ

Публикация С. А. Макашина

В январе 1863 г. в польских землях, принадлежавших России, — Царстве Польском, — вспыхнуло освободительное восстание. Царское правительство немедленно приступило, при содействии Пруссии и Австрии, к решительному подавлению движения. Эти события серьезно осложнили связи с родиной русской революционной эмиграции и ее лондонского центра. Пути сношений Герцена и Огарева с революционерами внутри страны и коммуникации, по которым шла доставка агитационной литературы в Россию, проходили, в основном, через западную границу империи, а граница эта оказалась закрытой. Перед издателями «Колокола» со всей остротой стал вопрос о необходимости изыскания других средств связи. Было решено попытаться создать новые опорные пункты для деятельности эмиграции: один вблизи северной границы России, другой — вблизи южной. Северный пункт предполагалось организовать при участии финских революционеров. Однако его местонахождением была избрана не Финляндия, находившаяся под властью царя и под контролем его политической полиции, а Швеция, в которой проживало много финнов. Для установления контакта с финскими революционерами и устройства с их помощью новых путей сношений с Россией, в Швецию был направлен сын Герцена («Junio»), только что принявший на себя (в феврале 1863 г.), по предложению А. А. Слепцова, обязанности заграничного агента «Земли и воли». Он отправился из Лондона в Стокгольм «в субботу» 16 мая 1863 г. (XVI, 263). С собой он вез две секретные бумаги. Обе были написаны Огаревым. Одна являлась инструкцией или директивой, которой должен был руководствоваться посланец лондонского центра при предстоящих переговорах. Другая — текст ее мы публикуем по авторской копии, оставшейся у Огарева, — была рекомендательным письмом, или своего рода мандатом. Огарев представлял адресату сына Герцена и сообщал о цели его поездки. По соображениям конспирации имя адресата не было названо в тексте. Но установить его не трудно. Письмо обращено к известному деятелю финского национально-освободительного движения, поэту Эмилю Квантону. Когда Герцен ознакомился с составленным Огаревым проектом записки, посвященной сношениям русской революционной организации «Земля и воля» с финскими революционерами, он порекомендовал превратить эту записку — «финское письмо» — в два документа:

«Насчет финского письма скажу <...> Я бы долею содержание <его> написал для Саши, а квинт-эс<енцию> — Квантену» (письмо к Огареву от 29 апреля 1863 г.— XVI, 233—234). Огарев так и сделал. Он изготовил записку-директиву для сына Герцена и составил письмо для Квантена. Наше предположение находит документальное подтверждение в переписке Герцена с сыном, относящейся ко времени пребывания последнего в Швеции. Из этой переписки видно, что главное содействие сыну Герцена в выполнении задач, порученных ему революционным центром, сказал именно Эмиль Квантен.

Однако содержание публикуемого письма значительно шире его прямого, «служебного», назначения. Воспользовавшись подходящим случаем, Огарев изложил в письме свои и, разумеется, Герцена общие взгляды по так называемому финскому вопросу.

Как и все русские революционные демократы и социалисты, Огарев выступает решительным сторонником самостоятельного политического существования финского народа. Он верит в большое историческое будущее независимой демократической Финляндии — страны дружественной и союзной по отношению к освобожденной революцией России. Путь в это будущее он усматривает в совместной борьбе русского и финского народов против царизма. С этой целью Огарев предполагает заключить союз между деятелями финского национально-освободительного движения и русскими революционерами. Он предлагает двум «тайным обществам» — русскому («Земля и воля») и финскому (конспиративное крыло партии «финноманов») — объединить свои усилия и договориться о программе совместных действий и согласованной пропаганды.

Публикуемый документ заслуживает пристального внимания. Он приоткрывает одну из забытых, но важных и светлых страниц в истории общения передовых людей России и Финляндии. «Для нас,— писал Огарев,— самостоятельность Финляндии становится такою же дорогою, внутреннею мыслью и целью, как для финнов коренное преобразование России из петербургской в народную и федеративную» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 521).

Письмо Огарева к Квантену — выражение тех чувств, которые питала русская демократия к финскому народу в годы царизма. Вместе с тем это памятник преемственности русских революционных традиций в национальном вопросе — тех славных традиций, которые подготовили провозглашение независимости Финляндии, как только народы России стали полновластными хозяевами своей страны.

Письмо публикуется по фотокопии с рукописи Огарева, хранящейся в Международном институте социальной истории в Амстердаме («амстердамская коллекция»).

Le 15 mai <1863>

Cher Monsieur,

Notre ami B.¹ nous a fait faire connaissance — assez, je pense, pour que j'aie le droit de vous écrire en ami, à cœur ouvert, sur les questions qui nous intéressent tous deux également.

Je regarde la Finlande avec un vif intérêt qui m'entraîne instinctivement. Je crois qu'elle a un des plus beaux avenirс qu'une nation puisse avoir — celui d'un Etat autonome, servant de noeud à l'alliance d'une Russie (ou plutôt d'une fédération slave) libre avec le monde scandinave. Telle est sa position géographique. Placée entre deux peuples, riches en terrain, elle peut leur servir de lien, de voie de communication, sans être pour cela annexée à l'un ou à l'autre. Au contraire, ce n'est que sur sa parfaite autonomie, qui met un frein à toute tendance d'invasion des deux côtes, que peut-être basée une alliance éminemment féconde. Situées autour d'un même bassin maritime, donnant la même issue vers le reste du monde,— les quatre nations (Russie, Finlande, Suèdo-Norvege² et Danemark) peuvent trouver dans leur alliance un développement immense de forces productives. La grande quantité de sol par rapport à la population, et le principe paysan leur donnent un fond d'intérêts analogues. Remarquez bien que les paysans ont une part

dans la représentation nationale en Suède³ et que toute réforme en Russie ne peut aboutir qu'à un résultat semblable. Nos nations agricoles, campagnardes, paysannes — ne peuvent former qu'une alliance toute naturelle vis-à-vis de l'Europe féodale, citadine et bourgeoise.

L'annexion de la Finlande à la Russie⁴ n'a jamais été considérée par le gros de la nation russe qu'avec l'étonnement et l'indifférence que suscitait l'inutilité de la chose. Jamais, avant la conquête, notre peuple n'a cru voir des ennemis dans les Finlandais, jamais, depuis la conquête, il ne les a cru des sujets russes. Le gouvernement lui-même ne savait trop pourquoi il est allé conquérir la Finlande et ne sait pas mieux pourquoi il la garde.

Le 15 Mai.

Cher Monsieur,

Notre ami B. nous a fait faire connaissance — après, je pense, pour que j'aie le droit de vous écrire ce ami, à ce sujet, sur les questions qui nous intéressent tous deux également.

Je regarde la Finlande avec un intérêt qui n'est pas insouciant. Je crois qu'elle a un des plus beaux avenir, qu'une nation peut avoir — celle d'un état autonome, libre de tout à l'égard d'une Russie (ou plutôt d'une Russie slave) libre avec le nord Scandinave. Elle est en position géographique placée entre deux grands, riches en terrain, elle peut avoir accès de l'un ou de l'autre, sans être pour cela soumise à l'un ou à l'autre, au contraire, ce n'est que sur la base de cette union, qui est en fait à toute tendance d'union de deux côtés, qui peut être basée une alliance librement libre. Il s'agit, au lieu d'un simple traité maritime, d'un traité de commerce, de la sorte de rendre — les quatre nations (Russie, Finlande, Suède, Norvège et Danemark) pour un temps dans leur alliance ou d'élargir encore de forces productives. La grande question de cet

Ainsi donc je vous envoie le mien
très franchement et me recommande à
la bonne volonté de tous les vôtres.

Votre dévoué

N. Ogareff

P. S. Vous n'oubliez pas d'insister sur
me donnant les moyens de faire connaître
de mieux en mieux les questions finlandaises. Écrivez
moi quelques lignes, envoyez moi des journaux
et des livres, quelques échantillons sur l'état
présent et les besoins de la Finlande, pour
que nous puissions en parler dans le Kolobak
et proposer des agents et l'idée d'une alliance
entre la Russie et la Finlande libres.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ОГАРЕВА К ЭМИЛИУ КВАНТЕНУ ОТ 15 МАЯ 1863 г.

Листы первый и последний

Международный институт социальной истории, Амстердам

Les gens pensants ont toujours vu dans l'annexion autant d'inutilité inique qu'ils verraient dans l'alliance avec une Finlande autonome l'élément d'une prospérité croissante. La Finlande n'a pas même besoin de verser son sang pour devenir autonome; elle n'a besoin que de concentrer ses hommes intelligents, de les placer à la tête de l'opinion publique et, en déclarant sa neutralité, faire inmanquablement reconnaître son autonomie par les voisins des deux côtés. D'ailleurs, je ne crois pas que la Suède désirerait autre chose, et quant à la Russie délivrée du joug pétersbourgeois⁵, elle n'aurait aucun motif pour maintenir l'annexion, et une totalité de motifs pour vouloir l'alliance avec une Finlande autonome.

Aussi, c'est à vous et à vos amis de faire dès à présent le commencement de cette alliance avec la Russie libre. Vu les circonstances, ni vous ni nous — nous ne pouvons agir autrement que par l'alliance de nos sociétés secrètes⁶ et leur propagande, jusqu'à ce que nous ayons les forces nécessaires pour

nous déclarer hautement et pour ajouter sur notre drapeau, au su de tout le monde, le titre de l'alliance slave-finno-scandinave, basée sur l'autonomie et l'égalité de droits des parties contractantes.

C'est pour fixer notre union si pleine d'avenir, et pour déterminer tous les détails de ce que nous pouvons et devons faire à l'heure qui est,— que le jeune Herzen va vous trouver; nous lui avons donné toutes les instructions nécessaires⁷. Nous ne doutons pas que vos compatriotes lui accordent un accueil fraternel et que désormais nous pouvons compter sur une activité réunie, concertée, sur une union qui fera réciproquement notre force et notre salut.

Ainsi donc je vous serre la main bien franchement et me recommande à la bonne amitié de tous les vôtres.

Votre dévoué
N. O g a r e f f

P. S. Vous m'obligerez infiniment en me donnant les moyens de faire une étude sérieuse sur les questions finlandaises⁸. Indiquez-moi quelques livres, envoyez-moi des données statistiques, quelques aperçus sur l'état présent et les besoins de la Finlande, pour que nous puissions en parler dans le *Kolokol* et propager dès à présent l'idée d'une alliance entre la Russie et la Finlande libres.

Перевод *:

15 мая <1863 г.>

Милостивый государь,

Наш друг Б.¹ познакомил нас, мне кажется, достаточно хорошо, чтобы я имел право написать вам чистосердечно, по-дружески, о тех вопросах, которые одинаково интересуют нас обоих.

Я смотрю на Финляндию с живым, неволью захватывающим меня интересом. Я думаю, что ей суждено прекрасное будущее, одно из лучших, какого только может желать нация,— будущее независимого государства, служащего связующим звеном между свободной Россией (или вернее славянской федерацией) и скандинавскими странами. Таково ее географическое положение. Находясь между двумя народами, владеющими обширной территорией, она может способствовать их связям, служить путем сообщения, не будучи при этом насильственно захвачена ни тем ни другим. Напротив, только ее полная независимость, ставящая преграду всякой попытке вторжения с обеих сторон, может служить основой этого в высшей степени плодотворного союза. Расположенные вокруг общего водного бассейна, открывающего им общий выход к остальной Европе, эти четыре страны (Россия, Финляндия, Шведе-Норвегия² и Дания) могут обрести в своем содружестве огромные возможности для развития производительных сил. Обширность земельных пространств в сравнении с малой плотностью населения и преобладание крестьянского сословия является причиной общности их интересов. Заметьте при этом, что в Швеции крестьяне участвуют в народном представительстве³ и что любая реформа в России неизбежно приведет к подобному же результату. Наши страны — земледельческие, деревенские, крестьянские — естественно должны объединиться в союз против феодальной, городской и буржуазной Европы.

Большинство русского населения никогда не воспринимало присоединение Россией Финляндии⁴ иначе как с удивлением и равнодушием, вызванным бесполезностью этого шага. Никогда до завоевания наш народ не смотрел на финнов как на врагов; никогда после завоевания он не считал

* Перевод М. В. Вахтеревой.

их русскими подданными. Само правительство не понимало хорошенько, зачем ему понадобилось завоевать Финляндию, и еще меньше понимает, для чего надо удерживать ее за собой. Людям мыслящим этот насильственный захват всегда представлялся настолько же бесполезным и несправедливым, насколько союз с независимой Финляндией представился бы им залогом все возрастающего благоденствия. Финляндии даже не надо проливать свою кровь, чтобы добиться независимости. Она должна лишь объединить умных людей страны и, поставив их во главе общественного мнения, провозгласить свой нейтралитет, чем неминуемо заставит соседей с обеих сторон признать ее независимость. К тому же, я не думаю, чтобы Швеция воспротивилась этому, а что касается России, освобожденной от ига петербургского правительства⁵, то у нее не было бы никакой причины отстаивать присоединение, — и напротив, множество оснований стремиться к союзу с независимой Финляндией.

Итак, от вас и от ваших друзей зависит теперь положить начало объединению со свободной Россией. При современных условиях ни вы, ни мы не можем действовать иначе, как путем слияния наших тайных обществ⁶ и их пропаганды, вплоть до того времени, когда мы станем достаточно сильны, чтобы выступить открыто и на глазах у всего света начертать на нашем знамени: славяно-русско-финско-скандинавский союз, основанный на независимости и равноправии договаривающихся сторон.

Именно для того, чтобы скрепить наше будущее объединение и обсудить во всех подробностях, что мы можем и должны сделать в настоящее время, к вам и послан молодой Герцен; ему даны все необходимые инструкции⁷. Мы не сомневаемся, что ваши соотечественники окажут ему братский прием и что отныне мы можем рассчитывать на объединенные согласованные действия, на прочный союз, являющийся для обеих сторон одинаково — залогом нашей силы и нашего спасения.

Итак, я искренне жму вашу руку и свидетельствую свои дружеские чувства всем вашим.

Преданный вам

Н. О г а р е в

P. S. Вы меня бесконечно обяжете, предоставив мне возможность написать серьезный обзор по финляндскому вопросу. Укажите мне, пожалуйста, несколько книг, пришлите мне статистические данные, очерки современного положения и нужд Финляндии, чтобы мы могли поговорить об этом в «Колоколе» и уже теперь начать пропагандировать идею союза между Россией и освобожденной Финляндией⁸.

¹ Бакунин. Он приехал в Швейцарию в конце марта 1863 г. и завязал здесь связи с финскими революционерами. Именно Бакунин рекомендовал Герцену и Огареву Квантена и связал с ним сына Герцена, но сам он скоро разошелся с Квантеном.

² В 1814 г. Норвегия была вынуждена заключить унию со Швецией. Отделилась Норвегия от Швеции в 1905 г.

³ Шведский риксдаг имел так называемую «крестьянскую палату», в которую входили представители зажиточных крестьян-арендаторов.

⁴ Финляндия отошла к России по Фридрихсгамскому миру, которым завершилась шведско-русская война 1808—1809 гг.

⁵ Т. е. самодержавно-императорского правительства.

⁶ Имеется в виду русское тайное революционное общество «Земля и воля» и финская конспиративная организация, складывавшаяся в это время внутри буржуазной национально-освободительной партии финноманов. В письме к издателям «Колокола» из Стокгольма от 19 августа 1863 г. Бакунин упоминает о том, что «партия деятельных финноманов» организовалась в «тайное общество» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906, стр. 241).

⁷ Эти инструкции до нас дошли, но известна «записка» Огарева, на основании которой эти инструкции были составлены. Записка опубликована М. В. Нечкиной в т. 61 «Лит. наследства» (стр. 518—522) под условным заглавием «Три вопроса».

⁸ Летом и осенью 1863 г. «Колокол» поместил ряд материалов по финскому вопросу, среди них две статьи — «Финляндия» (л. 164 от 1 июня) и «Голос из Финляндии» (л. 173 от 15 ноября). Первая статья принадлежала Бакунину (см. об этом в письме Огарева к А. А. Герцену от 25 мая 1863 г., публикуемом в т. 64 «Лит. наследства»); авторство второй, подписанной псевдонимом «Финляндец», не установлено. Намерение Огарева написать «серьезный обзор по финляндскому вопросу», повидимому, не было осуществлено.

ОГАРЕВ и ГЕРЦЕН — А. А. СЛЕПЦОВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Член Центрального комитета тайного общества «Земля и воля» Александр Александрович Слепцов (1835—1906) в середине января н. ст. 1863 г. выехал по поручению Центрального комитета из Петербурга за границу. Ему было поручено вербовать заграничных агентов «Земли и воли» и обеспечить печатание и доставку в Россию прокламаций и иной революционной литературы в количестве, достаточном для ведения широкой пропаганды в народе. По дороге, в Варшаве, Слепцова застало начало польского восстания. Он был свидетелем неожиданного нападения повстанцев на русские войска и первых боевых схваток. В Варшаве Слепцов вступил в переговоры с руководителями восстания — Зигмундом Падлевским и Агатом Гиллером, а также написал прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь...», изданную и распространяемую от имени «Земли и воли» (см. XVI, 151—155). Из Варшавы Слепцов направился в Лондон на свидание с Герценом и Огаревым. Он прибыл туда в начале февраля. В «Былом и думах» Герцен не без юмора рассказывает о появлении Слепцова в Лондоне и о тоне, принятом им на первых порах в переговорах с Герценом, Огаревым и Бакуниным.

«Уполномоченный,— писал Герцен,— был полон важности своей миссии и пригласил нас сделаться агентами общества „Земли и воли“. Я отклонил это, к крайнему удивлению не только Бакунина, но Огарева... Я сказал, что мне не нравится это битое французское название. Уполномоченный трактовал нас так, как комиссары конвента 1793 г. трактовали генералов в дальних армиях. Мне и это не понравилось» (XIV, 440).

Интересным дополнением к этому сообщению Герцена является вариант, имеющийся в рукописи «Былого и дум». Здесь Герцен рассказывает, что Слепцов «хотел из редакции „Колокола“ сделать заграничный аванпост общества», на что Бакунин и Огарев, по словам Герцена, соглашались. «...Но мне было что-то противно играть постоянно роль холодильника — и я предложил вступить просто-напросто с ними в союз и быть их друзьями, а не агентами» (А. И. Герцен. Былое и думы, т. V. М., 1939, стр. 558).

Отпор, полученный от Герцена, заставил Слепцова сбавить тон. С другой стороны, и Герцен, считаясь с настояниями Огарева и Бакунина, проявил уступчивость. Впоследствии он в этом раскаивался, хотя и понимал неизбежность уступок в политических условиях того времени, когда восстание, происходившее в Польше, и надежды на неминуемую народную революцию в России к весне 1863 г. требовали сплочения революционных сил. В конце 1864 г. в письме к неизвестному Герцен сообщал: «Я не хотел и не должен был мешать, я осадил свой скептицизм и наделал ряд ошибок...» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 276). Однако по некоторым вопросам, обсуждавшимся во время переговоров со Слепцовым, Герцен проявил непоколебимую твердость. Он категорически отверг требование уполномоченного «Земли и воли» сделать «Колокол» органом тайного общества, настаивая на полной самостоятельности этого издания, и отказался обратить на нужды «Земли и воли» деньги, полученные им от П. А. Бахметева, на чем настаивал Слепцов («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 276) *.

* Пользуюсь случаем, чтобы устранить некоторые неточности и ошибки, допущенные мною при комментировании указанного письма Герцена. Упомянутый в нем